

ВЕСЪДА

Преосвященнаго Никанора, Архіепископа Херсонскаго и Одесскаго, въ день святаго апостола Андрея Первозваннаго *).

О томъ,

что ересеученіе графа Льва Толстаго разрушаетъ самыя основы не только православно-христіанской вѣры, но и всякой религіи.

Внемлите отъ лживыхъ пророкъ, иже приходятъ къ вамъ во одеждахъ овечьихъ, внутрь же суть волцы хищныи. Отъ плода ихъ познаете ихъ (Мат. 7, 15—16).

По плодамъ узнавайте дерево. По корнямъ, по вѣтвямъ не всегда разберете разницу между деревьями. Тамъ незначительная, по видимому, и незамѣтная разность, въ строеніи ли частей, въ смѣшеніи ли соковъ,—эта разность сопровождается въ плодахъ уже ощутительнымъ, часто огромнымъ различіемъ. По строенію, по растворенію соковъ въ деревѣ не вдругъ различите яблоню дикую отъ культивируемой. Но какое разстояніе между плодами одной отъ другой. По плодамъ различите ихъ одну отъ другой легко.

*) Изложена въ залѣ Одесской духовной семинаріи.

Въ системѣ того или другаго вѣроученія корни—это всегда догматы, а плоды—это правоученіе, это практическіе выводы, это жизненный духъ, какой изъ нихъ развивается. Въ корняхъ, въ догматахъ разница кажется иногда кое-кому и не особенно поразительною; но смотрите, въ практическихъ выводахъ она отразится болѣе или менѣе рѣзко и откликнется на измѣненіи всего духа жизни такъ или иначе вѣрующаго общества. Такъ папство развило свой жизненный духъ. Протестантство свой. Нашъ расколъ старообрядчества свой. Духоборчество свой. Штундизмъ развиваетъ и еще разовьетъ свой. Наконецъ, Толстовщина грозитъ развитіемъ своего духа, радикально разрушительнаго духа. Небольшое отклоненіе радіуса у центра отразится большимъ отклоненіемъ у периферіи, и чѣмъ больше оно у центра, тѣмъ больше, въ квадратахъ и кубахъ будетъ больше у отодвигающейся периферіи. Чего же добраго ждать отъ практическихъ выводовъ графа Льва Толстаго, когда онъ сдвигаетъ самый центръ христіанства съ его основы и силится установить свой новый центръ вѣроученія, вѣроученія не Христова, а Иисусова? Замѣчательно, что онъ избѣгаетъ имени Иисусъ Христосъ, а употребляетъ почти исключительно только имя Иисусъ. И вѣра у него выходитъ не Христова, а Иисусова, точнѣе, вѣра самаго Толстаго. Какихъ ждать плодовъ отъ его правоученія, когда онъ подрываетъ самыя корни истинно евангельскаго Христова вѣроученія, и подрываетъ съ самаго ихъ основанія? Онъ подрываетъ корни не только истинной Христовой вѣры, но и всякой религіи. На этомъ мы и намѣрены остановить ваше вниманіе. Будемъ излагать вѣру графа Льва Толстаго собственными его изреченіями.

Метафизическое ученіе Иисуса,—проповѣдуетъ графъ,—не ново. Основаніе древняго ученія евреевъ и ученія Иисуса одно и то же—любовь къ Богу и ближнимъ. Однакоже сила ученія Иисуса заключается собственно не въ метафизикѣ, а въ приложеніи метафизической доктрины къ жизни. Ученіе Иисуса не можетъ не быть принято *искреннимъ иудеемъ также, какъ и ученикомъ Конфуція, буддистомъ, магометаниномъ, какъ и людьми нашего христіанскаго міра*, которые теперь не имѣютъ никакого нравственнаго закона. Ученіе Иисуса (разумѣя ученіе собственно нравственно-практическое) никакимъ образомъ не можетъ противорѣчить людямъ нашего вѣка въ ихъ міросозерцаніи. Оно уже напередъ согласно съ ихъ метафизикой. Предположимъ, что вы *искренній христіанинъ* какого бы то ни было вѣроисповѣданія. Вы вѣрите въ твореніе міра, въ Троицу, въ грѣхопаденіе и искупленіе людей, въ таинства, въ молитвы, въ церковь. Ученіе Иисуса (разумѣя только нравственно-практическое ученіе) не только не низпровергаетъ ваше міровоззрѣніе, но оно абсолютно согласно съ вашей космогоніей. *Вѣрите въ воскресеніе, въ рай, въ адъ, въ геенну, въ церковь, въ таинства, въ искупленіе;* молитесь согласно съ предписаніями вашей религіи, говѣйте, причащайтесь, пойте гимны,—ученіе Иисуса (разумѣя только нравственное) обязательно для васъ, потому что оно есть ученіе вашего Бога. Предположимъ, что вы *невѣрующій, вы философъ* какой ни будь школы. Вы утверждаете, что вещи въ мірѣ происходятъ въ силу какого нибудь открытаго вами закона. Ученіе Иисуса (разумѣя только нравственное) не возстаетъ противъ васъ,—оно признаетъ открытый вами законъ. Предположимъ, что вы *человѣкъ средины, полувѣрующій, по-*

лускеникъ, у котораго нѣтъ времени поглубже понять смыслъ жизни, и у котораго нѣтъ опредѣленнаго воззрѣнія, —ученіе Іисуса (нравственно-практическое) нисколько не противорѣчитъ и вамъ. *Люди върующіе* говорятъ, что нужно изучить три лица Троицы; нужно знать, какая природа у каждаго изъ лицъ, какія существуютъ таинства, какія изъ нихъ нужно и не нужно совершать, потому что спасеніе людей произойдетъ не отъ нашихъ усилій, но отъ Троицы и правильнаго совершенія таинствъ. *Скептики* говорятъ: нужно знать, по какимъ законамъ совершаетъ свое развитіе безконечно малая частица матеріи въ безконечномъ пространствѣ и времени; улучшеніе же человѣка совершается не человѣкомъ, а въ силу законовъ, какіе мы откроемъ. *Церковь* говоритъ: ученіе Іисуса здѣсь на землѣ не можетъ быть осуществлено вполне, потому что земная жизнь есть только отраженіе истинной жизни; въ ней много зла; наилучшій способъ провести эту жизнь это жить *впррой*, т. е. *воображеніемъ*, въ жизнь будущую, вѣчную, и молиться милостивому Богу. *Философія, наука, общественное мнѣніе* говорятъ: жизнь зависитъ отъ общихъ законовъ; и будемъ увѣрены, что хотя бы мы жили и дурно, по закону прогресса историческаго, соціологическаго и какого нибудь другаго, наша жизнь вдругъ сама собою сдѣлается хорошею. Между тѣмъ всѣ они, и церковь, и наука, могутъ согласиться въ ученіи Іисусовомъ. Какъ же это такъ? А вотъ какъ. Графъ Толстой убѣжденъ, что чрезъ нѣсколько вѣковъ исторія того, что называютъ умственной дѣятельностію нашихъ славныхъ послѣднихъ вѣковъ, сдѣлается для будущихъ поколѣній предметомъ, вызывающимъ нестоющую веселость и жалость. Скажутъ: въ теченіи многихъ

вѣковъ ученые западной части великаго континента находились въ состояніи повальнаго сумасшествія: *они вообразили себя обладателями вѣчной жизни*, и неустанно трудились надъ составленіемъ различныхъ сочиненій, имѣвшихъ цѣлью *точно опредѣлить, по какимъ законамъ осуществится для нихъ эта жизнь*. Всего печальнѣе покажется будущему историку то, что онъ увидитъ, что у этой группы людей былъ *одинъ учитель (Іисусъ), который училъ ихъ правиламъ простымъ и яснымъ, точно указывая, что имъ нужно но дѣлать, чтобы сдѣлать свою жизнь счастливою*, и что слова этого учителя были истолкованы одними въ томъ смыслѣ, что этотъ учитель придетъ на облакъ устроить все, а другими въ томъ смыслѣ, что слова учителя достойны удивленія, но мало практичны, и человѣческій разумъ самъ долженъ заниматься исключительно изученіемъ законовъ этой жизни, не обращая вниманія на благо каждаго человѣка въ отдѣльности. Между тѣмъ жизнь похожа на ферму, снабженную всѣмъ въ изобиліи для всѣхъ людей. Но люди, приходя сюда, дерутся. Избитые, голодные они оставляютъ ферму, то есть умираютъ, принимая ферму за гостиницу, *вообразивши, что обѣщанная ферма, вполне устроенная, будетъ идъ то въ другомъ мѣстѣ...* О, если бы, люди, —восклицаетъ графъ—проповѣдникъ,—перестали стремиться къ своей гибели и ожидать, что кто нибудь придетъ къ нимъ на помощь, наприим., Христось на облакахъ при звукѣ трубъ. Или о! если бы они перестали ссылаться на какой нибудь законъ исторіи, законъ прогресса, по которому жизнь улучшится сама собой. *Никто не придетъ имъ на помощь*, если они не будутъ помогать сами себѣ. А чтобы помогать самимъ себѣ, *не нужно ждать ни-*

чего ни отъ неба, ни отъ земли, а нужно только перестать трудиться для своей собственной гибели. Короче и яснѣе, никакого личнаго безсмертія на небѣ нѣтъ. А нужно всѣмъ трудиться надъ устройствомъ общечеловѣческаго счастья здѣсь на землѣ. Въ этомъ послѣднемъ выводѣ всѣ какъ вѣрующіе, такъ и невѣрующіе, могутъ согласиться.

Въ «религій» графа прямо говорится, что *ожидать повои лучшей жизни, той жизни, въ которой будетъ доступно челоуьку ближайшее общеніе съ Богомъ, блаженство личности, рай, мы не должны. Жить по природѣ, работать мускулами преимущественно и умереть — вотъ нормальная задача, цѣль челоуьческаго бытія. Этого взгляда будто бы держались всѣ мудрецы древности, и особенно Іисусъ, глаголемый Христосъ.*

Жизни индивидуальной личной, — проповѣдуетъ графъ, — всегда угрожаетъ смерть. Жизнь, какъ жизнь личная, не только не имѣетъ для каждаго изъ насъ, взятаго въ отдѣльности, никакого смысла, но напротивъ она жестокая насмѣшка надъ сердцемъ и разумомъ. Сѣбира лежитъ у корня всякаго дерева: смерть, гибель подлѣ каждаго изъ насъ.... Если вы трудитесь для одного себя, для вашего личнаго будущаго, то знайте, что васъ въ будущемъ ожидаетъ смерть. И эта смерть разрушитъ все, все лично для васъ. Слѣдовательно, жизнь для себя не можетъ имѣть никакого смысла. Разумная жизнь должна быть отлична отъ этой жизни. Она должна имѣть въ виду иной предметъ, чѣмъ бѣдная челоуьческая личность. Истинная жизнь есть та жизнь, которая прибавляетъ ко благу, собранному поколѣніями прошедшими, которая умножаетъ это наслѣдство въ настоящемъ и завѣщаетъ его поколѣніямъ будущимъ. Изъ всѣхъ

евангелій видно, — проповѣдуетъ графъ, — что (будто) Іисусъ училъ только этой жизни. *Іисусъ* (будто) «не только никогда ничего не говорилъ въ подтвержденіе индивидуальнаго воскресенія и индивидуальнаго замоилнаго безсмертія, но напротивъ всякій разъ, когда встрѣчалъ это суевѣріе, внесенное въ эту пору въ Талмудъ, и котораго даже *слыда* (будтобы) «*нѣтъ у еврейскихъ пророковъ, Онъ*» (будтобы) «*непременно отрицалъ его...* *Іисусъ*» (будтобы) «*никогда и нидь не говорилъ о своемъ личномъ безсмертіи...* Іисусъ противопоставляетъ личной жизни» (будтобы) «*не жизнь замоилную, но жизнь общую, которая сливается съ настоящей, прошедшею и будущею жизнью всего челоуьчества.* Продолжаемость жизни въ потомствѣ одного народа сомнительна, потому что самый народъ можетъ исчезнуть. Продолжаемость жизни, по ученію Іисуса, принадлежитъ всему челоуьчеству, и она несомнѣнна. *Впра въ личное безсмертіе, въ будущія награды и наказанія* не только не облегчаетъ пониманія ученія Іисуса, а напротивъ отнимаетъ у него его главное основаніе. Вся доктрина Іисуса состоитъ въ ученіи отречься отъ личной жизни, которая есть *химера*, и вводить эту личную жизнь въ общую жизнь челоуьчества, въ жизнь Сына челоуьческаго, которая одна *безсмертна несомнѣнно.* Но ученіе о безсмертіи души индивидуальной не только не располагаетъ къ отреченію отъ личной жизни, а напротивъ закрѣпляетъ индивидуальность навсегда. По понятіямъ іудеевъ, китайцевъ, индусовъ и всѣхъ людей, не вѣрующихъ въ догматъ паденія, искупленія, жизнь есть жизнь; она такова, какова она есть. Челоуькъ живетъ: вступаетъ въ бракъ, рождаетъ дѣтей, воспитываетъ ихъ, старѣется, умираетъ. Его дѣти вырастаютъ; они про-

должаютъ его жизнь, которая такимъ образомъ безъ прерыва переходитъ изъ одного поколѣнія въ другое. *Жизнь есть жизнь, и намъ нужно пользоваться ею, какъ можно лучше.* Жить для себя одного, животной жизнью, неразумно. Посему люди, какъ начали существовать, ищутъ *целей бытія внѣ самихъ себя: они живутъ для своихъ дѣтей, для своего семейства, для народа, для человечества, для всего, что не умираетъ съ жизнью личности...* Это и значитъ жить для истиннаго безсмертія. Оно единственно и исключительно *въ неумирающей жизни всего человеческого рода, въ жизни Сына человеческого*.... По графу, «*только церковь выдумала химеры. Иисусъ*» (будтобы) «*не говорилъ о будущей жизни; Ему даже неизвѣстно ученіе о паденіи Адама, о вѣчной жизни въ раю, о безсмертной душѣ, вдохнутой Богомъ Адаму. Иисусъ*» (будтобы) «*говорилъ только о жизни такой, какова она есть и будетъ для людей. Я знаю*»,—проповѣдуетъ графъ,—«что моя жизнь съ точки зрѣнія моего индивидуальнаго счастья, моя жизнь, взятая отдѣльно, есть *величайшая бессмыслица*, и что *это глупое существованіе окончится такою же глупою смертію.* Но моя жизнь и моя смерть будутъ имѣть смыслъ для жизни всѣхъ.

Такимъ образомъ, какъ мы видимъ, графъ Левъ Толстой отвергаетъ основной догматъ не только христіанства, воскресеніе Иисуса Христа, но основной догматъ и всякой религіи, ученіе о загробной жизни. Въ тоже время графъ продолжаетъ настаивать, что его ученіе есть единственное истинное ученіе Иисуса. На какомъ же основаніи онъ это утверждаетъ?

«Истинное евангельское ученіе»,—проповѣдуетъ графъ,—

«открыто мнѣ *не систематическимъ методическимъ изученіемъ его, а какимъ-то внезапнымъ озареніемъ.* Я нашелъ ключъ къ истинному смыслу ученія Иисуса. Съ моего дѣтства, съ тѣхъ поръ какъ я началъ читать евангеліе, меня всего болѣе трогала та часть доктрины Иисуса, гдѣ онъ учитъ любви, смиренію, униженію, отреченію и обязанности не воздавать зломъ за зло. *Такова была всегда для меня сущность христіанства; мое сердце признавало тутъ истину*, не смотря на мой скептицизмъ и мое отчаяніе. Обратившись къ религіи и сперва подчинясь церкви, я замѣтилъ, что я не нашелъ въ ея ученіи подтвержденія этой самой сущности христіанства. Церковь, кромѣ внутренней стороны — любви, смиренія, самоотреченія, признаетъ въ христіанствѣ внѣшній смыслъ, догматическій. Этотъ смыслъ чуждъ для меня, даже отталкиваетъ меня. *Въ ученіи церкви меня отталкивали странность ея догматовъ и ея одобреніе, поддержка, какую она оказывала преслѣдованіямъ, смертной казни, войнамъ, возбуждаемымъ взаимною нетерпимостію всѣхъ церквей.* Но особенно поколебали мою довѣренность къ церкви *индифферентизмъ церкви ко всему, что мнѣ казалось въ евангеліи существеннымъ, и ея пристрастіе къ тому, что мнѣ казалось второстепеннымъ.* Церковь не давала мнѣ того, чего я ожидалъ отъ нея. Я перешелъ отъ нигилизма къ церкви единственно потому, что я чувствовалъ невозможность жить безъ религіи, т. е. безъ знанія того, что добро и что зло. Но церковь предлагала мнѣ правила, въ которыхъ я не находилъ той практики христіанской жизни, которая была мнѣ такъ дорога. *Правила церкви касательно членовъ въпри, догматы, соблюденіе таинствъ, посты, молитвы не были для меня необ-*

ходимы, и я не видалъ тутъ правилъ, основанныхъ на истинѣ христіанской. Всего болѣе меня возмущало то, что всѣ бѣдствія челоѵчества, обывай судить другъ друга, судить націи и религіи, войны и убійства, которыя были слѣдствіемъ этого, все это дѣлалось съ одобренія церкви. Послѣ многихъ сомнѣній и страданій, я снова остался одинъ съ своимъ сердцемъ и съ таинственной книгой евангелій. Мнѣ не удавалось ни найти въ этой книгѣ того смысла, какой находили въ пей другіе, ни открыть тотъ смыслъ, котораго я искалъ; а еще менѣе я могъ отказать отъ этого искупленія. Я только тогда вдругъ сразу понялъ то, чего не понималъ прежде, когда бросилъ объясненія ученой критики и теологіи, по слову Іисуса: *если вы не будете, какъ маленькія дѣти, вы не войдете въ царство небесное*. Я понялъ все, потому что забылъ всякіе комментаріи. Ключемъ ко всему послужило слово Христово — *«не противится злу, которое хотятъ вамъ сдѣлать»*. Лишь только открылся предо мною точный и простой смыслъ этихъ словъ, я понялъ, что *Іисусъ говоритъ не болѣе ни менѣе*, какъ именно то, что Онъ говоритъ. *И тотчасъ я увидѣлъ, какъ изпало все, что затемняло для меня истину, и истина явилась мнѣ во всемъ своемъ величій*. Лишь только я постигъ простой и точный смыслъ этихъ словъ, какъ вдругъ для меня стало ясно все, что было темно во всѣхъ четырехъ евангеліяхъ.

И вотъ передѣлывая четыре евангелія въ одно, — говоритъ графъ, — «я старался методически, шагъ за шагомъ, разсѣять тотъ туманъ, который скрывалъ отъ людей истину; я переводилъ снова стихъ за стихомъ четыре евангелія, сравнивалъ ихъ, соединялъ ихъ въ новую конкорданцію;

исправлялъ заблужденія» (это въ евангеліяхъ заблужденія!). *«Всѣ другіе толкователи, какъ принадлежащіе къ церкви, такъ и свободо-мыслящіе, нелѣпо представляютъ себѣ ученіе Іисуса. Толковники церковные преувеличиваютъ значеніе личности Іисуса, смотрятъ на него, какъ на Бога, тогда какъ, по ученію графа, Іисусъ, какъ личность историческая, былъ просто бѣднякъ, который имѣлъ обыкновеніе высказывать нравственныя сентенціи. Его подвергли бичеванію и предали позорной смерти»* (графъ употребляетъ о страданіяхъ и смерти Іисуса Христа выраженія рѣзвія и низменныя). *«А потомъ этого бѣднаго раба стали считать Богомъ. Ученія Его не только никто изъ окружающихъ Его, но и послѣ, до самаго обращенія графа Толстаго къ религіи, никто не понималъ, хотя почти всѣ цивилизованные народы стали и до послѣдняго времени состояли христіанами. Новѣйшіе же свободомыслящіе, въ своихъ сужденіяхъ объ Іисусѣ, противорѣчатъ ясному свидѣтельству исторіи, отвергая значеніе дѣла, совершеннаго Іисусомъ. Графъ проситъ читателя помнить, что то, что отталкиваетъ его, читателя, и что представляется ему, читателю, суевѣріемъ, то не есть ученіе Іисуса; что Іисусъ не можетъ быть повиненъ въ томъ безобразномъ преданіи, которое приписали къ Его ученію и выдавали за христіанство», т. е. графъ уполномочиваетъ не только себя, но и всякаго читателя исключать изъ евангелія все, что угодно, что не нравится ему, всякому читателю!* На этомъ основаніи прежде всѣхъ самъ графъ выбрасываетъ изъ св. писанія новаго завѣта все высокое и чудесное. Выбрасываетъ богооткровенныя истины богословія, психологіи и проч., потому что онѣ не согласуются съ его разумомъ, по-

чему и причисляются въ разряду суевѣрій. Повторяя постоянно, что нужно держаться истинныхъ буквальныхъ словъ евангелія, а не тѣхъ, которыя приписываются Иисусу толковниками, графъ приводитъ слова Христовы въ произвольномъ видѣ. Такъ наприм. въ евангеліи (Мат. 18, 6) говорится: кто соблазнить одного изъ малыхъ сихъ, вѣрующихъ въ Меня, *тому* лучше было бы, если бы повѣсили *ему* мельничный жерновъ на шею и потопили *его* во глубинѣ морской; но графъ это мѣсто читаетъ такъ: «соблазнить ребенка также дурно, какъ повѣсить *тому* ребенку жерновъ на шею и бросить въ воду. *Трудно, чтобы онъ выплылъ, а скорѣе потонетъ*» (ребенокъ!). Также въ евангеліи (ст. 15—37) читается: «аще и церковь преслушаетъ, да будетъ *тебѣ* якоже язычникъ и мытарь»; у графа же это мѣсто читается такъ: «если же не послушаетъ обидѣвшій тебя и церкви, *то прости его.*» Тамъ же (ст. 18) въ евангеліи читается: *истинно говорю вамъ, что вы свяжете на земль, то будетъ связано на небъ, и что разрѣшите на земль, то будетъ разрѣшено на небъ*; у графа же читается, *вѣдь вы сами знаете, что какъ завяжетесь на земль таковы и будете предъ Отцемъ. А коли развяжетесь на земль, будете развязаны и предъ Отцемъ*. Безсмыслица, но это для графа неважно. Начало евангелія у Іоанна: *въ началѣ бѣ Слово...*, превратилось у графа въ слѣдующую безсмыслицу: *въ основу и начало всего стало разумнѣе жизни. Разумнѣе жизни стало вмѣсто Бога. Разумнѣе жизни есть Богъ!*—въ безсмыслицу однакоже крайне тенденціозную: *«разумнѣе жизни стало вмѣсто Бога! Богъ есть разумнѣе жизни!»* не больше того. А такъ какъ личнаго высочайшаго Бога у графа Толстаго не ока-

зывается, то вотъ *его сужденіе о существенномъ содержаніи евангелія*: 1) человекъ есть сынъ *безконечнаго начала, сынъ Отца*, но не личнаго Бога, сынъ не плотью, но духомъ; 2) и потому человекъ долженъ служить этому началу, Отцу и Богу (но неличному) духомъ (не таинствами, не богослуженіемъ, не молитвами); 3) жизнь всѣхъ людей имѣть божественное начало: *она одна свята*, 4) и потому человекъ долженъ служить этому началу *въ жизни всѣхъ людей*,—это воля Бога (безличнаго). *Жизнь всѣхъ людей единственная достопокланяемая святыня*;—5) истинная жизнь есть только въ каждый мигъ настоящаго; *обманъ жизни во времени, жизни прошедшаго и будущаго, т. е. въра въ вѣчность личнаго Бога, какъ и надежда на личное безсмертіе скрываетъ отъ людей истинную жизнь настоящаго*; 6) и потому человекъ долженъ стремиться къ тому, чтобы *разрушить обманъ прошедшаго и будущаго (обманчивую надежду на вѣчную премирную жизнь)*; 7) *истинная жизнь есть жизнь настоящаго, общая всѣмъ людямъ*. И 8) потому живущій въ настоящемъ общей жизнью всѣхъ людей соединяется *съ Отцемъ—началомъ и основой всей жизни. Оказывается Отецъ—это безличное начало и основа всей жизни...* И это якобы проповѣдь Господа Іисуса Христа! Это якобы содержаніе четвероевангелія! И такъ проповѣдь объ искупленіи отъ грѣха общечеловѣческаго, отъ природной грѣховности, благовѣстіе живота вѣчнаго, словомъ—Христово евангеліе сводится у графа къ ученію о томъ, что *человѣку нужно пользоваться какъ можно лучше миновеніемъ быстро улетающаго настоящаго!* По графу, въ каноническихъ евангеліяхъ Іисусъ будтобы ничего не говоритъ о своемъ воскресеніи, вообще о воскресеніи изъ

мертвыхъ. Дѣйствительно въ графскомъ евангеліи не говорится о воскресеніи потому, что все, что говорится, то зачеркнуто самимъ графомъ!

Поставивъ такимъ образомъ, въ своемъ евангеліи, разумъ на мѣсто Бога, провозгласивъ разумъ Богомъ, признавъ свой разумъ критеріемъ истины въ каноническихъ евангеліяхъ, передѣлавъ самое евангеліе по своему разуму, графъ, навязывая свое ученіе своему Іисусу, учитъ также думать и поступать и своихъ послѣдователей, т. е. считать свой разумъ богомъ и безусловнымъ судіей всего. Іисусъ училъ людей, — учитъ графъ, — прежде всего вѣрить въ свѣтъ, пока свѣтъ въ нихъ. Іисусъ учитъ людей ставить выше всего этотъ свѣтъ разума, жить руководясь этимъ свѣтомъ, — не дѣлать того, на что *они сами смотрятъ, какъ на дѣло противное разуму*. Вы считаете, — проповѣдуетъ графъ, — бессмысленнымъ идти убивать на войнѣ турокъ или нѣмцевъ, — не ходите. Вы считаете неразумнымъ запереть въ тюрьмы, — не дѣлайте этого. Словомъ, не дѣлайте того, что теперь дѣлаетъ весь нашъ европейскій міръ. Вся наша нынѣшняя общественная жизнь, — учитъ графъ, — негодна въ самомъ своемъ корнѣ. Вся она основана на *насиліи*. Отъ насилія вся наша теперешняя жизнь проникнута развратомъ. Развратъ, по графу, скрывается и тамъ, гдѣ его никакъ не предполагаютъ; онъ гнѣздится даже въ томъ, что нынѣшніе люди считаютъ *самымъ законнымъ пользованіемъ своими правами, или исполненіемъ своихъ обязанностей: на насиліи основана администрація, на насиліи основанъ судъ; развратъ, произведеніе насиліе* — вся наша культура, вся цивилизація. Отсюда графъ дѣлаетъ такой выводъ: *нужно радикально измѣнить всю теперешнюю*

нашу жизнь. Мѣры палліативныя, частныя улучшения, реформы нисколько не помогутъ; это будутъ все компромиссы со зломъ, которое, не уничтоженное въ корнѣ, вскорѣ возоблѣетъ снова и возникнетъ съ большею силою, какъ возвратившаяся болѣзнь, какъ усилившееся зло. *Корень всего общественнаго зла въ насиліи*. Нынѣшнее общество все держится на насиліи одного человѣка надъ другимъ, и оттого оно такъ несчастно и такъ развратно. Насиліе, на которомъ держится современное общество и отъ котораго жестоко страдаетъ какъ всякій членъ общества, такъ и все общество людей, налагаетъ, нынѣшнимъ строемъ жизни, на каждаго обязанность дѣлать зло ближнему, и чрезъ это дѣлать зло и себѣ самому. Всякая внѣшняя сила, *самая законная власть, есть насиліе*, которое должно быть изгнано изъ человѣческаго общества. *Итакъ нужно уничтожить насиліе вообще вездѣ и всецѣло*. Уничтожать насиліе», (т. е. весь нынѣшній общественный порядокъ) «вообще, вездѣ и всецѣло», это и значитъ по графу Льву Толстому, «не сопротивляться злу или злему». Ясны сколько противорѣчіе графа съ самимъ собою, столько жъ и *радикально-нигилистическая* въ немъ тенденція.

Теперь и спрашиваемъ, чтожъ это за религія, проповѣдуемая графомъ Львомъ Толстымъ, — религія безъ Бога и безъ вѣчной жизни и безсмертія? Чтожъ это за Іисусъ, бѣдный равви, жалкимъ образомъ казненный и конечно никогда не воскресавшій, даже не вѣрившій въ безсмертіе и въ личнаго Бога? Чтожъ это за евангеліе, которое пересочинилъ графъ Толстой, вымаравъ изъ евангелія все то, что ему, графу Толстому, въ подлинномъ Христовомъ евангеліи не нравится?! Чѣмъ же это графъ Толстой, постав-

ляющей разумъ вмѣсто Бога, отличается отъ первыхъ французскихъ революціонеровъ, посадившихъ на престолѣ Божіемъ богиню разума? Проповѣдуя, что всякая власть есть насиліе, отвергая всякіе титулы и достоинства, воспрещая присягать на вѣрность Царю и отечеству, далеко ль ушелъ графъ Толстой отъ французскихъ якобинцевъ, провозглашавшихъ всеобщую свободу, равенство и братство?! Чѣмъ графъ Толстой отличается отъ Герцена, отъ Чернышевскаго, отъ Добролюбова и отъ всѣхъ этихъ ходаковъ въ народъ, русскихъ нигилистовъ, которые учили, что весь общественный порядокъ христіанской Европы, особенно же Россіи гниль въ самомъ корнѣ и что его нужно вездѣ и всецѣло искоренить? Не тѣмъ ли только, что наши нигилисты проводили свое ученіе все же болѣе или менѣе сдержанно, тогда какъ графъ Левъ Толстой проповѣдуетъ открыто въ слухъ всей Россіи? Не оставляетъ ли онъ позади себя всѣхъ самыхъ радикальныхъ учителей, проповѣдуя, что присяга на вѣрность—санкція обмана, суды—зло, войны—преступленіе, любовь къ отечеству—омерзительный продуктъ безмысленнаго воспитанія, всякая власть—насиліе, которое нужно всячески искоренять, чего не проповѣдывали ни французскіе революціонеры, ни наши нигилисты? Не почтеніе ли, не благородіе ли графа Льва Толстаго даже нигилисты, которые вызывали общество на бой съ собой довольно открыто, рискуя слишкомъ многимъ и съ своей стороны; а сей графъ проповѣдуетъ неслыханныя нестерпимыя вещи, странно рассчитывая на общественное русское неразуміе, обруженный ребяческимъ благоговѣніемъ всей россійской интеллигенціи, покрываемый непонятною терпимостью тѣхъ, кому вѣдать бы его тенденціи надлежало, а что всего наг-

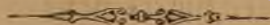
лѣе, кощунно выступая въ стати якобы благонамѣреннаго, даже горячаго христіанскаго проповѣдника, съ простодушнымъ коварствомъ рядясь въ тексты священнаго писанія, волкъ натягивая на себя одежду овчюю и безнаказанно проникая во всѣ углы овчарни?!..

Графъ Левъ Толстой провозглашаетъ всѣхъ современныхъ европейцевъ, исповѣдующихъ древнюю христіанскую вѣру, сумасшедшими, заключая отъ частнаго къ общему, отъ противнаго, отъ самого себя; не вѣриѣ ли заключить на оборотъ, отъ общаго къ частному, отъ общаго противнаго къ частному противоположному, что онъ одинъ, считая себя одного здравомыслящимъ, между тѣмъ разсуждая не какъ всѣ, онъ то одинъ и помѣшался въ умѣ и что въ отношеніи къ нему и справедливо и пора принять приличныя болѣзненному пораженію его ума мѣры врачеванія?..

Такъ вотъ куда, естественно и прямо, въ концѣ концовъ, заводятъ отступничество отъ православной христіанской вѣры. Опытъ этого мы видѣли въ русскихъ нигилистахъ. Опытъ того же видимъ и въ графѣ Львѣ Толстомъ. Онъ началъ, какъ и нигилисты начали, съ корня: съ подрыва корней христіанской вѣры, а оканчиваетъ, какъ и нигилисты, призывомъ ко всеобщему перевороту,—разрушать основы существующаго общественнаго и государственнаго порядка. Отступничество отъ вѣры—это корень, призывъ ко всеобщему взрыву—это плодъ. Если плодъ не хорошъ, поймите, что и корень не хорошъ. И помните, что отъ этого дурнаго корня выростетъ всегда и дурное дерево съ дурнымъ плодомъ—всеобщимъ переворотомъ.

Потому то истинный Христосъ Богъ нашъ и предостерегаетъ насъ, вѣрныхъ чадъ своихъ, и все наше христіанское

отечество и богопоставленныхъ носителейъ власти Божіей на землѣ: берегитесь лжепророковъ, которые приходятъ къ вамъ въ овечьей одеждѣ, а внутри суть волки хищные. Всякое дерево, не приносящее плода добраго, срубаютъ, и бросаютъ въ огонь. По плодамъ ихъ узнаете ихъ. Не всякій, говорящій Мнѣ: Господи! Господи! войдетъ въ царство небесное, но исполняющій волю Отца моего небеснаго. Мнѣ скажутъ въ тотъ послѣдній день: Господи! Господи! не отъ твоего ли имени мы пророчествовали и проповѣдали? И тогда объявлю имъ: Я никогда не зналъ васъ; отойдите отъ Меня обличающіе беззаконіе (Мат. 7, 15—23). Аминь.

1948

Печат. дозв. Одесса, 11-го Декабря 1886 г. Цензоръ прот. **Василій Войтковскій**.
«Славянская Типогр.» Н. Хрисогелосъ, Ланжер. ул., д. № 23, въ Одессѣ.

7028